
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Юрий Токарь

(Украина, Житомирская обл., пос. Городок)

Родился 5 января 1967 г. в г. Днепропетровске. В 1988 году окончил Днепропетровский государственный университет и начал преподавать математику и физику в сельской школе, расположенной в районе, пострадавшем от аварии на Чернобыльской АЭС. С 1996 по 2003 г. работал директором школы в военном городке (Житомирская обл.). Теперь учитель математики, физики, информатики. Стихи, рассказы, очерки Юрия Токаря более пятнадцати лет публикуются в центральных украинских изданиях, в России и Беларуси: в газете «Курьер Карелии», литературно-художественном журнале «Южная Звезда», газете «Беларусь сегодня» и других. В декабре 2016 г. в виде электронной книги в Российском издательстве вышел его роман «Учитель».

РАЗОРВАННАЯ ВЕРА

* * *

Над этой Землей удивленное небо:
Внизу разделяют великую Русь.
Но Вера сильнее и денег, и хлеба,
За эту единую Веру молюсь.

Нельзя вековечные связи разрушить
И наш православный народ разобщить.
Россия спасет заблукавшие души,
А злобной Европе нас не разлучить.

Всегда поднимались из пепла Славяне
И вновь возрождали величье страны,
Стояли у края, и были на грани,
Немало хлебнули беды и войны.

У Неба попросим единства Святого,
Ведь час испытаний сегодня настал,
И мира попросим все вместе у Бога,
Чтоб ОН никогда бы нас не оставлял.

* * *

*Светлой памяти покинувшего этот мир
друга моего Василия, и иных ушедших,
близких мне людей*

Я вместо Майдана ходил в Монастырь,
Там Церковь и чистые души.
Ведь именно их Божий Свет освятил,
Они меж водою и сушей.

И музыке не было места в тиши,
А только шептались о чем-то
Ушедшие друг мой и ученики,
И мама являлась, ночами.

Она и при жизни казалась всегда
Устало-спокойной и тихой,
И Вася, когда приключилась беда,
Ушел без надсадного крика.

За эту мою Православную Русь,
Единую и неделимую,
Хоть грешный, но все-же крещусь и молюсь
Спасти, от непоправимого.

* * *

Зимнему Днепру 2014 года

Снежный город мой или не мой?
И в стране — как-будто за границей.
Что же происходит со страной?
Ведь вокруг знакомые все лица.
Только я друзей не узнаю,
Раньше мы ругались и шутили,
И делили боли и уют,
А теперь все доброе забыли.
Ветры нас уносят к берегам,
Разным берегам, бесповоротно.
Кем же старт тому разлету дан?
Кто всех перессорил так жестоко?
Я по снегу грубому иду,
Он от фонаря немного синий.
Или наша музыка в бреду,
Или не растает летом иней.

* * *

ВСЕМ солдатам

«Без улыбки на лицах детей не бывает»,—
Так я думал когда-то, не зная войны.
Только жуткую правду теперь мы читаем
По глазам малышей, потерявших родных.

Их угрюмые взгляды застыли надолго,
И, пронзая, морозит недетская боль,
Не помогут игрушки и доброе слово,
Ведь бессильною стала сегодня любовь.

А немирные, злые рассветы запомнив,
Не забудут уже даже годы спутя.
«Так когда ж, наконец, мы войну остановим?» —
Ты спроси откровенно друзей и себя.

* * *

Молиться, молиться и снова молиться,
Наверное, этот возможен лишь путь.
Раскол отпечатался болью на лицах,
А люди не в силах надежду вернуть.

На Бога мы все уповаем сегодня,
А тот, кто не верит, бессильно молчит.
Над нами задумчиво высится полдень,
Но стая ворон беспокойно кричит.

И Крест устремляется в Вечное Небо,
Хоть купол Церковный в недобром дыму.
У речки замерзшей все старые вербы
В поклоне застыли, стыдясь за войну.

* * *

Над лесом растерянно птицы взлетели,
Бессмысленно в небо поднявшись с земли,
Они покружили, но песен не пели,
А если б хотели, уже не могли.

Снаряды тут тесно ложились недавно,
Откуда упали — теперь не понять.
И снег опускался в воронки неплавно,
Боясь, что в него тоже могут стрелять.

Донецкое небо с луганским оттенком
Немного наивным казалось всегда.
Вчера же оно пробиралось по стенкам
Ко дну блиндажа, где гнилая вода.

Расстрелянным лесом беда поперхнулась,
Но только живуча она и хитра.
Как жалко, что взрывами не захлебнулась,
Лишь черною стала у дуба кора.

ДОНЕЦКОЙ ДЕВОЧКЕ

Не обманет детская слезинка,
В полумраке правдою блеснув:
Где-то колбаса и мандаринки —
Тут счастлива, что-нибудь хлебнув.

И смешались в раненных подвалах
Души, заклинанья, возраста.
Веры же осталось очень мало,
А надежда только на Христа.

По-донецки в Землю зарываясь,
Выстрелы пытаясь обмануть,
Понимают молодость и старость,
Как непредсказуем этот путь.

Не по-детски уши закрывая,
Девочка под скатертью лежит.
Вроде бы она еще живая,
И от смерти, может, убежит.

Даже и с закрытыми ушами
Крики различает хорошо,
Вовсе не расслышанная нами,
Спрятанная в каменный мешок.

* * *

Я в город, отмеченный кровью, приеду.
Вот он заплатил за Майдан уж сполна.
Обидны любые одесские беды,
Но только такая, конечно, одна.

Не вражие полчища дом поджигали,
Потом добивали спасенных людей.
Фашисты же, точно, когда-то не знали:
Фанаты быть могут страшнее зверей.

И слезы в глазах над притихшей Одессой,
Вопросы немые над морем и сном.
Полощет белье бестолковая пресса,
А мы лучше в память невинных споем.

Споем колыбельную, добрую песню,
Которую мамы им пели давно.

И облако, думаю, тихо и честно
От боли захочет спуститься на дно.

Стыдливо и я сторонюсь одесситов,
Как-будто причастен к трагедии той.
Ножи и кастеты, бутылки и биты
На поле принес, все-же, кто-то другой.

Но все мы виновны в несчастье южном,
Ведь раньше молчали, молчим и сейчас.
Но только не смейте слезою ненужной
Отмыться от крика растерянных глаз.

* * *

*Памяти погибших россиян в авиакатастрофе
самолета ТУ-154, что случилась
над Черным морем в декабре 2016.*

Доктор Лиза, зачем же вы в небо шагнули?
На Земле оставляя друзей и дела.
Обреченно огни самолета моргнули,
И, конечно, уже не помогут слова.

Музыканты, пилоты, что с вами летели,
Где они? Может вместе вы там, в вышине?
Тихо ангелы грустную песню запели
О дороге любви, о беде, о войне.

И славянскою болью исходит планета,
И прощается с вами Земля и Москва.
Вы уже не увидите жаркое лето,
Но останетесь в памяти, доброй всегда.

ДОНБАССКИМ ДЕТЯМ

Мультик помноженный на пониманье,
А за окном новогодняя тайна.
Правда, она не заснежена вовсе,
Может, снега и появятся после,

И Дед Мороз своей палкой ударит,
Да настроенья немного подарит.
Хоть убежать бы от правды скорее,
Не открывать ей, стучащейся в двери.

Только не сказочный праздник военный,
Бомбы с враньем перемешаны скверно.
В детских глазах ожидание чуда,
Может, не страшными станут минуты?

В ванной осколки никак не достанут.
В сказке по окнам стрелять перестанут?
В это, конечно же, мало кто верит,
Как и в наполненный радостью берег.

Все же глаза у детишек наивны,
Если б достались и им мандарины!
Сможет Снегурочка ящик доставить,
И хоть немного подарков оставить?

НА УКРАИНЕ «ВК» ЗАКРЫВАЮТ?

Обрываются связи паутинок судьбы,
Только зло равнодушно смеется.
Удивленно-наивны, растеряны мы,
Пустота вместо слов остается.

Черный ветер и в щели проникнуть сумел,
Неужели расколятся нервы?
Над надеждами ворон по небу летел,
Успевая на тризне быть первым.

А добро притаилось пока. Почему?
Неужели оно безоружно?
Божий Свет, безусловно, поможет ему,
Но молчать только долго не нужно.

ДЕТИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

И, с задачей не справившись, девочка плачет,
Удивленно на книжку упала слеза.
А ее успокоить пытается мальчик,
Жаль, задачи решать за подругу нельзя.

В пятом классе окно приоткрыто немного,
Глупый ветер под парту отправил листок.
Что же вас ожидает за школьным порогом,
Будет ли от задачи какой-нибудь толк?

Перемешаны добрые мысли с бедою,
И обидой не детской стучится война.
И по разные стороны линии боя
У детишек отцы. Чья же в этом вина?

А над школой вдруг стало немного темнее,
Это туча закрыла пути для лучей,
Им бы надо домой уж бежать поскорее,
Только ведь хорошо и за партией своей.

По-мужски он молчит, а глаза вопрошают:
«Чем могу я помочь после двойки твоей?»
Она взглядом ему отвечает: «Не знаю»,
Но от сомкнутых рук им обоим теплей.

ДНЕПРОПЕТРОВСКОМУ ПАМЯТНИКУ-БРОНЕПОЕЗДУ

Этот город не стер свою память еще,
Даже если в ней были ошибки.
Бронепоезд порой заливало дождем,
И под солнцем он млея с непривычки.

В нем детишки наивно играли в войну,
С той гражданской до этой, беззлобно.
А теперь так не верится здесь в тишину,
И на кладбищах юность в надгробьях.

Кто же кашу со злобной травой заварил,
Одурманив своим заклинаньем?
Подложить под того бы надежный тротил!
И не надо минуты молчанья.

А надежда осталась на чудо с Небес,
Что подарит спокойствия сладость.
И дурман пусть уходит в затерянный лес,
Где вся нечисть, что людям не в радость.

Сергей Лебедев*
(г. Тольятти)

ДЕРЕВЯННАЯ РОДИНА

ДЕТСТВО

*Отрывок из поэмы
«Воспоминание о деревне»*

Ветлуга, милая Ветлуга,
Как мало видел я тебя,
Лишь в пору летнего досуга
Меня ласкала ты, любя.
Тогда мальчишкой несмышленым
Бродил с отцом в лесах твоих,
И на коре по мхам зеленым,
Где север, юг — учил, как стих.
В бочагах черных под березой
Наметкой черпали щурят,
И вдоль коровников колхозных
Шли под мычание телят.
Бывало, среди кустов прибрежных
Мы разводили свой костер,
И, комаров кормя прилежно,
С туманом ждали рыбий жор.
Сорожки, окуни, плотвички,
Порой — лещи или елец,
Улов бывал вполне приличный
Для наших радостных сердец.
Узнал и тихую охоту:
Волнушки, грузди, белый гриб,
То под березой вдоль болота,
То в сосняке, то среди лип.
Ходили мы и по чернику,
Какая радость среди мхов,
Здесь открывались поелику
Красоты ягодных ковров!
Язык и руки — все в «чернилах»,

* Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Кружит от вкуса голова...
Все это было, было, было,
А память радостью жива.
И помню тетку Евпраксию,
К ней часто в дом я заходил.
Тиха, похожа на Россию,
Ее, как матушку, любил.
Всегда приветлива, с улыбкой,
Иконы, травы по избе,
И простота с таким избытком,
И святость в слове, как в мольбе.
Так и запомнил. Как икона
Она в душе моей всегда,
Достойна низкого поклона,
Свята, как чистая вода.
Любил чердачный мир, открытый
Под крышей деда моего,
На прялки, ружья и корыта
Здесь время тайнами легло.
Здесь запах был неповторимый —
Ремней, бересты, лыка, ржи...
Тот русский дух — такой родимый,
Что в сердце памятью лежит.
А утром в доме — запах хлебный,
Стучит заслонка у печи,
Блеск самовара желто-медный,
И сало весело скворчит.
И, ловко двигая ухватом,
Меня в печке чугуны,
Казалась бабушка когда-то
Мне главным поваром страны.
Метровых пирогов со щукой,
Ржаных, где рыба в два ряда
Под корочкой хрустящей с луком —
С тех пор не видел никогда.
И детства мне святая память
Опорой будет до конца,
Незыблем дом, его ведь ставят
На крепость нижнего венца.
Дожди и бури, и ненастья
Порой испытывал в судьбе,
Но одолел я все напасти,
Ведь сила русского — в родне.

ДЕРЕВНИ

Я как песню пою,
И как сказку читаю,
Имена деревень повторяю.
Не названия,
нет.
Имена повторяю.

В этих русских словах,
Как в доспелых хлебах,
Как в парном молоке,
Как в душистой траве.
На горе Югары,
В Поляках топоры,
А в Пospelихе лен,
Неколючихой я удивлен.
В Елевую Заводь за рыбой,
Бархатиха, прыгай,
Коровиха, дай молока,
Жилиха, погоди пока.
В Пospelихе черника поспела,
Лапшанга, принимайся за дело,
Непогодиха подскажет погоду,
Выползиха пойдет в хороводы.
Имена деревень называл мне отец,
И от мамы я многое знаю.
И сейчас ощутил, словно стук их сердец,
Когда вновь имена повторяю.

НА ПОЧТОВОМ ТРАКТЕ

Осторожно подняв на закорки,
Избы держит почтовый тракт.
От того и название — Горки*,
Отбивает булыжник в такт.

Сколько лет эта музыка слышится?
Да не лет уже, сколько веков?
И летят над Ветлугой и крышами
Перестуки дорожных стихов.

За полями и старыми ригами
Обветшалые крыши видны:
Югары, Поляки и Кулигино
Русским духом и песней родны.

Подпеваает листва своим шорохом,
А зимою — пурги пересвист.
Лучше песни ветлужского говора
Я не слышал за всю свою жизнь.

Это что-то особенно чистое,
Как наречие доброй души.
Луговое, лесное, душистое...
Лучше слов на Руси не ищи.

* Горки, Югары, Поляки, Кулигино — названия деревень Варнавинского района, Нижегородской области.

НЕ ВЕРНУСЬ

Югары*... Деревянная родина...
Отзвеневшие косы в лугах.
Под угором в осоке болотина,
И Ветлуга за лесом в песках.

Избы смотрят пустыми глазницами,
А «журавль» все о небе грустит.
Только память наполнена лицами,
Только сердце о прошлом болит.

Не цветет в палисадах черемуха,
Лишь крапива везде, лебеда,
Время в окна стреляет без промаха,
Пустотою чернеет беда.

Ты прости, моя милая родина,
Не вернусь я к тебе, не вернусь...
Я в плену у бетонной уродины
Предаю деревянную Русь.

* Югары — деревня в Варнавинском районе Нижегородской области.

Роман Круглов
(г. Санкт-Петербург)

Поэт, критик, редактор. Проживает в городе Санкт-Петербурге. Кандидат искусствоведения. Автор четырех книг стихотворений. Член Союза писателей России.

* * *

Есть на свете ветер и соловьи,
В небе лунный пятак —
Если Бог уже не пошлет любви,
Я согласен и так.

Я давно пыльцой ее опален —
Тлеет боль в седине.
Я насквозь огнем ее опылен —
Пламя зреет во мне.

Если не пошлет, значит я готов
Уже просто за так
Согреть и ветер, и соловьев,
И холодный пятак.

ЗВЕЗДЫ

Стволов сосновых охряные нити
Между закатом и водой озерной
Натянуты, по ним звенит огонь,
Они дрожат, стекая в отраженье.
Молчи, кузнечик!

Нет, милый, пой. До головокруженья
Гляжу в небес открытую ладонь,
В которой к ночи прорастают зерна.
Стары, как мир. Но чем же заменить их?
Ничем. И нечем.

* * *

Живя в событий и бесед
Неимоверной мешанине,
Приписывать ее себе —
Самодовольство мещанина.

Поди присвой июль, закат...
Но и тоска, и воспаренье
Мечты, — все слезет, как загар,
Излечится, как воспаленье.

И ты пройдешь, как сон дурной,
Зверюги и зануды помесь,
Попутно становясь собой,
Каким теперь себя не помнишь.

* * *

Стол, тень от капель на стекле,
Букета зябнувший скелет.
Белесый день и талый свет
К закату ближе — ровный, желтый.
Ты понимаешь все живей
Серьезность маленьких вещей,
Таких, как ракушка и желудь.

Как память бывших встреч, легки
Святые эти пустяки.
И вот однажды вопреки
И логике твоей, и воле,
Хоть мир вокруг жесток и груб,
Из желудя родится дуб,
Из ракушки возникнет море.

Марк Польшковский

(г. Ашдод, Израиль)

О, КАК ЖЕ ЭТА СКАЗКА ХОРОША Эротический венок сонетов

Поэт, переводчик. Окончил физико-математический факультет Петрозаводского университета, затем — институт патентоведения в Москве. Заведовал патентным отделом в Карельском филиале Академии наук. В 1991 году репатриировался в Израиль. Живет в городе Ашдод. В 2009 году выпустил первый сборник стихов «Ашдодский дневник». Вслед за ним вышли в свет несколько сборников стихов и переводов с английского. Печатаются в журналах Израиля и за границей. Литературный редактор издаваемого в Ашдоде журнала «Начало».

1

Божественные тело и душа...
Природа сотворила совершенство,
Пью это несравненное блаженство —
Тихонько, шаг за шагом, не спеша

Ласкаю упоительный простор,
Его долины, впадины, ложбинки,
Гряды холмов, священные глубинки —
Творцом был гениальный фантазер,

Он знал, он сам прочувствовал заране,
Установил пленительный рубеж —
Не где-то на поверхности, а меж...
Там страсть, там взрыв, там ангелов лобзанье!

Душа и тело, страстью одержимы,
В тебе едины и нерасторжимы.

2

В тебе едины и нерасторжимы
Тоска и грусть, еврейская печаль,
Рациональный разум и мораль...
И я твержу: «Мой Бог! Как хороши мы!

Возрадуйся на плод любви твоей
И возликуй! Кто свел нас как не Ты!
Ты видишь, что сбываются мечты?
О нас поет ночами соловей...»

Ответь мне только: «Почему сейчас?!
Не двадцать и не тридцать лет назад?
Ты указал дорогу в райский сад,
Когда... когда морщинки возле глаз.

Ты думал, Боже, мы непогрешимы? —
Душа Твоя поет, когда грешим мы».

3

Душа Твоя поет, когда грешим мы...
Да разве же объятья — это грех?!
У внуков это вызвало бы смех,
Для них загадки эти разрешимы.

А мы живем, мы продолжаем жить,
Давно оставив позади вершины,
Спускаемся с горы, — через лощины
И через время вьется, вьется нить,

Указывая путь из лабиринта...
Плутаем там уже который год, —
Найдем ли выход, или снова вход
Предстанет перед нами, сеньорита?

Когда поет бессмертная душа,
Трепещет тело, тканями шурша.

4

Трепещет тело, тканями шурша...
Мы молоды, как лет тому назад
Не меньше ста... Вновь осень, листопад
Несет куда-то, листьями кружа...

В осеннем вальсе кружим — раз, два, три —
Как желтые кленовые листочки,
И почему-то «Как у нас в садочке»
Запело неотвязно изнутри...

Забытая мелодия из детства —
Не вальс, но тоже, помню, на три счета...
Никто давно не требует отчета
О милых увлечениях малолетства.

Пусть под ногами листьев желтизна —
В твоих глазах всегда живет весна.

5

В твоих глазах всегда живет весна,
Готов в них — словно в омут с головою...
Нет! — в микву с очищающей водою...
И если прежде жизнь была грустна,

Отныне грусть лишь легким нежным флером
Окрашивает бег ночей и дней.
И что с того, что юный Гименей
Нам вслед опять глядит с немым укором —

Наш бог — Эрот, пособник Афродиты.
А Гименей? — его пусть зависть гложет,
Не он, не он для нас готовил ложе...
Мы — верные Эрота прозелиты.

Я погружен в мир нежности и ласки,
В тот час, когда твои лучатся глазки.

6

В тот час, когда твои лучатся глазки
И рвется из груди протяжный вздох,
В моей душе опять переполох...
Не требуя услужливой подсказки,

Ищу руками трепетными путь,
Скользя вдоль нежной, ласковой равнины
К холмам. Их напряженные вершины
Манят и не дают передохнуть,

Я нахожу упругость их губами...
Все ниже, ниже... Дальше — островок
Курчавых кущей, нежный желобок,
Влекущий в грот, сочащийся слезами...

Милее нет любимой кареглазки,
Так хочется остаться в этой сказке...

7

Так хочется остаться в этой сказке,
Где для любви и счастья нет предела,
Где злобы нет — кому какое дело?!
Где не живут с оглядкой, по указке,

Где нам с тобой лет тридцать пять, ну, сорок,
Мы молоды, с врачами — только дружим,
Ни кальций, ни клистир пока не нужен,
Пушинкою взлетаем на пригорок,

Где седина — и та еще не снится,
Где лысина моя пока в проекте,
Где фонари ночные на проспекте,
Где светятся от счастья наши лица,

Где можно верить: каждый день — весна, —
И быть с тобой и день, и ночь — без сна...

8

И быть с тобой и день, и ночь — без сна,
И предаваться сладостным утехам,
Любить — до стога, гнать печали — смехом,
Знать — честен пред тобой, и ты — честна.

Друг другу слепо верить — без оглядки,
Встречаться — ну хотя б в неделю раз,
И — прядь волос, и — лучики из глаз,
Прикосновенья губ — нежны и сладки.

И не нужны затертые слова, —
Лишь взгляды — в каждом взгляде откровенье,
Сулящее отраду и забвенье...
О, Господи! Кружится голова...

Едина наша грешная душа, —
О, как же эта сказка хороша!

9

О, как же эта сказка хороша,
Где по утрам разбудит птичье пенье,
Где нет нужды искать успокоенье,
Где, если за душою ни гроша,

Помогут, не потребовав взамен
Ни тела, ни души, ни обещаний.
Здесь не услышишь вечных причитаний,
Здесь царствует любовь, здесь нет измен,

Здесь — что ни шаг — везде следы влюбленных,
И наших ног следы — они среди них,
И я сложил о том свой нежный стих —
О нас с тобой, любовью окрыленных.

Мы вновь одни, все в мире опустело,
Когда слились едины с телом тело.

10

Когда слились едины с телом тело,
Ток времени потек внезапно вспять,—
О, Господи, мы молоды опять,
Мы снова любим истово и смело.

Я вновь неудержим, а ты полна,
Как амфора, изысканной любовью.
Дай, бережно приникнув к изголовью,
Испить напиток вечности сполна.

Давай с тобой забудем обо всем
На миг, который длится бесконечно,
И снова поведем себя беспечно,
Как пешка, побывавшая ферзем.

Мы вместе. Время длится не спеша,
Когда едины тело и душа.

11

Когда едины тело и душа, —
Что в этом симбиозе необычно?
Вторичности здесь нет, тут все первично.
Телесность — до чего же хороша!

Кто мог бы извять тебя — Пракситель? —
Чтоб высветить внезапный переход
От шеи через грудь, через живот —
Туда, где притаился искуситель?

А что душа? Страдает ли, поет
В минуты наивысшего блаженства?
Как знать, быть может, в том и совершенство,
Что все душа предвидит наперед...

И этому единству нет предела,
Когда друг другу преданы всецело.

12

Когда друг другу преданы всецело, —
Как море и песок, как свет и тень,
Любовь и ненависть, как ночь и день
(Лишь нет подобия для мушки и прицела) ...

Один подумал, а другой — сказал,
Когда порой достанет только взгляда —
И нет как нет причины для разлада,
Когда мудры, как древний аксакал...

Когда понятны нежный шепот моря,
И шорох дюн, и звучный плеск волны,
Когда мы молоды, любовьию полны,
Когда нас ангелы хранят от горя...

Мы вместе, и не может быть иначе,
И души слиты накрепко, иначе...

13

И души слиты накрепко... Одначе
Не так ли рассудило провиденье:
«Пусть сбудется желанье ли, виденье,
Пусть им всегда сопутствует удача!»

Сюжет для сказки вечен и банален:
Как две души метались по планете
И по какой-то сказочной примете...
Был сказочник, конечно, гениален,—

Ведь эти две души, два человека,
Нашли друг друга в городе у моря,
И полюбили, и не знали горя,
И жили дружно до скончанья века...

Как чудно было б в сказке жить, иначе
В реальности все чуточку иначе...

14

«В реальности все чуточку иначе...» —
Так начинала в детстве сказку мама,
И я искал настойчиво, упрямо
Ответ неразрешимой той задачи —

Где сказка превращается в реальность?
Я все искал, не находя ответа,
Мелькнули зимы, пролетели лета...
Я не нашел дороги в зазеркальность,

Где будущее с прошлым вперемешку,
Где мыслимое — ярко, четко, зримо,
Где все реальное — вообразимо,
Где все вокруг — немного впересмешку,

Где вечно обитают, не греша,
Божественные тело и душа.

15. Магистрал

Божественные тело и душа
В тебе едины и нерасторжимы.
Душа твоя поет, когда грешим мы,
Трепещет тело, тканями шурша.

В твоих глазах всегда живет весна.
В тот час, когда твои лучатся глазки,
Так хочется остаться в этой сказке
И быть с тобой и день, и ночь — без сна...

О, как же эта сказка хороша,
Когда слились едины с телом тело,
Когда едины тело и душа,
Когда друг другу преданы всецело,

И души слиты накрепко...
Одначе,
В реальности все чуточку иначе...

Екатерина Володина
(Тюменская область, д. Зубарево)

Екатерина Владимировна Володина — поэт, член Союза российских писателей. Неоднократный победитель региональных и международных литературных конкурсов, лауреат регионального конкурса «Книга года 2016». Стипендиат государственной стипендии для выдающихся деятелей культуры и искусства России за 2015 год. Обладатель Гранта Правительства ХМАО — Югры в области журналистики. Автор 7 книг. Проживает в Тюменском районе в д. Зубарево.

РУСЬ

Пускай твердят: «Она забыта Богом...»,
Пусть назовут невытой, пьяной, странной,
Легко — судить и рассуждать о многом...
Как ей хватает сил, многострадальной?

И все же не найти ее роднее,
Люблю — ее и синь, и грозы с неба,
И я с утра твержу
душою с нею,
Молитву свежевывавшего снега.

* * *

Лето дышит ароматом чайным.
На веранде белые цветы.
Теплый дождь, нагрянувший — неожиданный,
Окропил фантомные мечты.
Дышится и чище, и вольнее.
Отрешенные от суеты,
Ни о чем на свете не жалея,
В этот день мы вместе, я и ты.
Тихий вздох, касание губами.
Грусть моя, твоя подруга здесь...
Ближе расставанье между нами,
Уверяет: в жизни счастье есть.

БАБЬЕ ЛЕТО

Золотая осень...
Бабье лето...
Осиянна в солнечных лучах,
Жизнь моя до дитятки, согрета,
Чудо продолженья — на глазах...
Как бы даль дождями ни рябило,
Все яснее небо поутру.
В гроздьях,
в бусах, алая рябина
Пуще пламенеет на ветру.
Ягодой горят у нас корзинки.
Половодье красок...
Любо мне!
Скоро загорятся в лужах льдинки,
Но еще осинники — в огне!
Осерчало на плите варенье,
Хватит нам и меда, и вина,
За столом, богатым угощеньем,
Будет песня долгая хмельна.
Золотая осень.
Бабье лето.
Края нет и дна голубизне.
Пощади же, жаркое, поэта
И не дай сгореть в твоём огне!

* * *

Летняя память, не преломляясь в лицах,
В полдень, в жару, в июле варим варенье.
Перелистнув очередную страницу,
Словно роман — вишневое сотворенье.
В сладкие пенки оса погружает лапки,
Смело копается в липкой тайне,
И поднимаются вверх кипучие шапки,
Жизнь обретает новое содержание.
Как расточимы подтеки страсти, сласти,
Не обжигаться мы зарекались впредь,
Это варенье — воспоминанье счастья,
Им одиночество сможем зимой согреть.

* * *

День завтрашний придет с добром, красив. И сомневаться нечего...
Гляди ж, волнуется закат обветренный багряным вечером.
Венок мой незамысловат. Красива в нем твоя головушка,
Переложу я на стихи, что утром пел в саду соловушка.
Все отпустив, что не по мне, по ветру я в полях развеяла,
То, что нам не принадлежит, во что я, кроткая, не верила,—
Не зря потеряно оно... Пусть счастье улыбнется каждому,
Хоть люди вязнут в мелочах и душу не склоняют к важному.

Услышишь ли ты шепот трав под вековечными туманами?
Назавтра вызреют они, чтоб стать и сильными, и пряными.
Молитвы тихие мои небесный Ангел слышит, ласковый,
Ведь, если живы мы с тобой, то, безусловно, милый, счастливы...

* * *

Февраль. Интерпретация хрупких снежинок,
Полуоттаяв, чувства опять устремляются в детство.
В калейдоскопе праздника льдистых искринок,
От меланхолии — самое верное средство.
Опыт обратен, с весною снега вновь растают,
Призрачна прелесть мерцанья изящных кристаллов.
От дуновения с перчатки легко слетает
Белое чудо!.. И за секунду его не стало.
Неистошима зима со своею свитой,
Вьюги, мороз, метели — служители злого рока,
И до озноба с судьбою давно уже квиты,
Каждая из снежинок более чем одинока.

* * *

Солнечно, сладостно у весны в объятьях,
Сердце и чувства опять тяготеют к выси,
Прошлые годы, эх! Повернуть бы вспять их,
Вечность и время снова приводят к мысли —
Все подчиняется в жизни тебе, светило,
Мудрые притчи и летопись страстных романов,
Все под твоими лучами когда-то было,
Было... и будет! Под сенью цветущих каштанов.
Скоропись времени, снова двоятся прогнозы,
Что будет потом... со мной, с тобою,
Нам не известно, но неизбежно точно —
Чувство предчувствия, предвосхищенья весною!

* * *

Утопает в туманах пейзаж,
Осень время сонетов и нег,
Но октябрь, старательный паж,
Торопливо готовит нам снег.
За окном доживает тепло,
Листья жаждут в альбом и в тетрадь,
Дни чудесные мне под перо,
И ночами Любить, не спать.
А когда по прошествии лет,
В понимании — жизнь есть мираж,
Ты найдешь в свою осень ответ:
Утопает в туманах пейзаж...

Александр Савостьянов
(г. Клинцы, Брянская область)

Серебряное Перо Руси Международного конкурса «Национальная литературная Премия Золотое Перо Руси-2016», лауреат 5-го Международного конкурса детской литературы «Пегасик-2013» (1 место в номинации «Разные жанры»), лауреат поэтической премии им. Алексея Маресьева, лауреат серии Международных литературных конкурсов «Большой финал» (2016—2017) в номинации «Мне лира для того дана», дипломант 1 степени конкурса «Мгинские мосты» без границ» IX Международного фестиваля «Мгинские мосты» без границ, дипломант Восьмого Международного конкурса хайку-2016. Член Союза брянских литераторов, Русского литературного клуба и Футурсобрания.

РЯБИНА КРАСНАЯ

Рябина красная стоит-печалится,
Спилили недруги дремучий лес.
И в каждой веточке сквозит отчаянье —
Несет Русь-матушка тяжелый крест.

На дно глубокое ужом не спрячешься,
А небо черное от воронья.
Рябина-ягода горчит, горячая,
Как недопетая любовь моя.

Мерцают в памяти огни купальные,
Бьют ветры шквальные. Звезда и смерть.
Тут впору взглядами объять прощальными
Всю необъятную земную твердь.

Боль — нитью красною. Стон — под полозьями.
Пора недобрую забыть молву.
Снега нарядными осыплю гроздьями
И в свете солнечном вновь оживу!

А в каждой ягодке — исток трепещущий,
Пространства спутались и времена,
И песней нежною любимой женщины
Минута вечности возрождена!

ДОЛЯ

В этот мир приходят
и уходят
в мир иной
чужие
и свои.
Тайны сохраняют перехода
две переплетенные змеи.

Две сестрицы — Доля и Недоля
днем и ночью не смыкают глаз.
За глаза
и правда-кривда колет
здесь,
сегодня,
прямо
и сейчас.

Где удача
рядом с неудачей,
а добро сражается со злом,
счастье от несчастья
тоже плачет.
С колыбели так вот и живем.

В этот мир приходят
и уходят
в мир иной,
откуда и пришли —
стражи генетического кода —
две переплетенные змеи...

ПРИГЛАШЕНИЕ В СКАЗКУ

Дым по крыше заснеженной стелется,
Белокаменный дом замело.
Спят на небе две белых Медведицы,
Запасая под пледом тепло.

Сон — рекою. Волшебную мельницу
Раскрутить на ветру суждено,
Взяв на дне сундука у Метелицы
В путь-дорожку билет проездной.

Дно колодца до дна не измерено,
В свете солнечном — заячий луг.
Видно белого в яблоках мерина,
Соловьиное царство вокруг!

Хлеб да соль! — Утомленную белочкой
Счастье спит в теремочке своем.
С лунной груши плоды-скороспелочки
Осыпаются сладким дождем.

Миновали осенние хлопоты.
В гости просится сам Дед Мороз.
Будит нежно Снегурочку шепотом
В хороводе мерцающих звезд.

...Снег постелью заоблачной стелется,
За окном — новогодняя ночь.
Взбив перину небес для Метелицы,
Змей Горыныч уносится прочь!

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ

Снова в свинцовом августе бьет метроном.
Выстрел крупнокалиберным в сорок втором.
Голод и смерть на улицах. Смерть — в блиндажах.
Стынут во тьме нашествия слезы в глазах.

От небывалой стойкости голос осип...
Шквалом живая музыка — главный калибр.
Палочка дирижерская, соло трубы.
Дробь барабанная целится в медные лбы.

Дрогнули осаждавшие, словно от ран:
Огненная симфония — как ураган.
Музыка Шостаковича. «Враг у ворот»...
По ленинградским улицам враг не пройдет.

ГОЛОС

«Продли Бог веку на сорок сороков»
Русская пословица

Сорок сороков —
Наворочено...
Горы черепков —
На обочине.

Сорок сороков —
Тьма ли тьмущая?
Споры «мудрецов» —
Жалость сушая...

Горе от оков —
Всполох мнения:
Сорок сороков —
Голос гения!

Шорох змей под стать.
Воскресение.
Сорок дней Поста.
Вознесение!

СТАРАЯ РУССА

Светлой памяти Алексея Маресьева

Старая Русса.
Старая Русса.
Вот и лежал бы я тут...
Вечная память витязям русским,—
Грустные мысли гнетут.

Подвиг бессмертен в миге от смерти.
Даже не чувствуя ног,
Сильная птица — верьте, не верьте,
В сердце — летающий Бог.

Действовать первым, биться искусно,—
Дрогнет и целая рать.
Двигатель воеет, палец на спуске —
Рано еще умирать.

Резким маневром ставится точка
В схватке с врагом роковой.
Бьет истребитель быстро и точно:
Следом за первым — второй.

Купол глубокий, легкая дымка
Тает внизу — у земли.
Выстоял, выжил.
Смерть-невидимка,
Наши пути разошлись.

...Старая Русса.
Старая Русса.
В небе — воркующий звук.
Вечная слава витязям русским,
Мчащимся вдаль наяву!

Пользуясь случаем, хочется отметить, что после тяжелых ранений, приведших к частичной ампутации одной или обеих ног, кроме А. П. Маресьева вновь сумели подняться в воздух еще, по меньшей мере, 8 человек. Из них, 7 были летчиками-истребителями: майор Л. Г. Белоусов, майор А. Ф. Белецкий, Гвардии полковник А. И. Грисенко, Гвардии капитан З. А. Сорокин, старший лейтенант И. М. Киселев, Гвардии капитан Г. П. Кузьмин, Гвардии подполковник И. С. Любимов. Один пилот, старший лейтенант И. А. Маликов, представлял бомбардировочную авиацию.

Алекс Акулов
(г.Тула)

Стихи пишет с юности. В 2017 году вышел авторский сборник стихотворений «Мои окна выходят на север...». Публиковался в периодических изданиях. Стихотворения основаны на реальных событиях, личных чувствах и эмоциях.

НАТЮРМОРТ

Как сбежавший заложник,
Клею ссадины мазью.
Этот странный художник
Небо вымазал грязью.

В этом городе славном
Все абстрактно теперь...
Но ни слова о главном...
Хоть в кабаке, хоть в бордель.

Мне бы только за хлебом
И в аптеку за мазью...
Это синее небо
Кто-то вымазал грязью.

ПРОЩАЙТЕ, МЕРТВЫЕ МОРЯ

Прощайте, мертвые моря,
Уснувших волн пустые реки.
Прощай, истлевшая заря,
Я покидаю вас навеки!

Моих надежд разбитый флот
Давно растаял в океанах.
Пиратский флаг, прогнивший плот,
И вместо рома пыль в стаканах.

Меня не взять на abordаж.
Я тихо растворился где-то.
Домой распущен экипаж,
Чуть-чуть осталось до рассвета.

Я не вернусь, печаль моя!
Я грустью затыкал все щели...
Прощайте, мертвые моря,
Вы мне чертовски надоели!

ПОЛУНОЧНЫЙ БРЕД

Хрустальных звезд мне тайны не сберечь.
Вино Луны прокисло... Стало ядом.
Я так устал от всех ненужных встреч.
Обманчив рай, мне кажущийся адом.

Я мало брал, но много отдавал.
Искал у февраля весны истоки.
Я часто падал, падал и вставал.
Не одинок, но все же одинокий.

На эти звезды тихо помолюсь.
Одна Луна... Хоть ты меня согреешь?
Тебя терять я больше не боюсь,
Нельзя терять того, что не имеешь...

ПИСЬМО

Что написать тебе? Не знаю...
Все как-то стерлось, рифмы нет.
Во сне пою, а утром лаю.
Курю кальян, ношу вельвет.

Давно не пью... и неохота.
Дождливой ночью спорю с Ним...
Какая странная работа,
Любить одних — дарить другим.

И что, скажи, еще мне надо?
Моих постелей страсть и стресс...
Неблагодарная награда —
Считать испорченных Принцесс.

Давно не двадцать — вот потеха!
Работа — дрянь, желаний нет...
Ну прочитай хотя б для смеха...
Курю кальян... ношу вельвет...

Ольга Борисова
(г. Самара)

Ольга Борисова — поэтесса, переводчица. Автор четырех поэтических сборников. Переводит с болгарского, македонского, французского, английского, финского и чешского языков. Победитель и призер многих международных поэтических конкурсов и фестивалей. Обладатель премии «Славянские традиции». Стипендиат Министерства Культуры РФ. Неоднократно побеждала в конкурсах переводов с болгарского и французского языков. Публикуется в российских и зарубежных журналах. Ее стихи переведены на иностранные языки. О. Борисова — член Российского Союза профессиональных литераторов, руководитель Самарской региональной организации этого союза, гл. редактор литературно-художественного альманаха «Параллели».

ДОМИК САМАННЫЙ

Домик саманный покрыт черепицей,
Флюгер скрипит на ветру.
Рвется он в небо бескрылою птицей,
Спать не дает поутру.

Стражами мальвы стоят у амбара.
Радуют красками взгляд.
Шепчет о чем-то у дома чинара,
Звонко цикады звенят.

Крым. Деревушка, забытая богом —
Тихий степной уголок.
Смотрят оконца печально и строго
На перекрестье дорог...

ЭТО ОСЕНЬ

Птицы ль качают упругие ветви,
Ветер скользит по ветлам?
Стонет ли кто? Или в домике ветхом
Мыши пищат по углам?

Нет! Это осень бредет по округе,
В тощей котомке — дожди.

Скука с печалью — две верных подруги,
Тенью снуют позади.

Осень-скиталица сыплет листвою,
Стелет лиловую мглу.
Желтые, алые — над головою,
Рыжий — прилипший к стеклу.

Скоро зима... Ждать осталось немного —
Засеребрятся леса...
Снова уходит своєю дорогой
Путница, осень-краса.

НА КОНЧИКЕ ПЕРА

Стекала с кончика пера,
Листы марая всяким бредом,
Моя печаль. И слов игра
В октавы складывалась следом.

Рождалась музыка стиха,
Сливалась с ритмами Вселенной.
Была она еще тиха,
Почти беззвучна, сокровенна.

А следом — новая строка,
Несовершенна и нелепа,
Срывалась к жизни с языка...
За ней рука спешила слепо.

СКАЗКА НА НОЧЬ (ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ)

Кот-баюн, поведай сказку
Мне про небыль и про быль.
Я даю тебе подсказку —
О красотке Корефиль,

Что томится в башне древней
За решетками окна,
За которым скалы дремлют,
Да шумит внизу волна.

А по замку бродят волки,
Стерегут входную дверь.
И у девичьей светелки —
На цепи свирепый зверь...

Что же ты смыкаешь глазки?
Промурлычь мне, мудрый кот,
Продолжение этой сказки,
Что и где произойдет.

И о карлике-злодее
Ты мне тоже расскажи.
О заморском чародее,
Что скрывается в глуши.

Как он путает дороги,
И наводит чары сна.
Как грустят единороги
В подземельях колдуна.

Как в пещерах темных злато
Охраняют сто пантер.
Сотня воронов крылатых
Стерегут покой гетер.

Околдованные жрицы
Служат верой колдуну,
И прислуживают львицы,
Что живут в его плену...

Кот-баюн мурлычет тихо.
Бьют часы двенадцать раз.
В сказке принц сразился с лихом...
Засыпаю...свет пога-с-с.

ВАЯТЕЛЬ

В моих руках комочек глины —
Сейчас ваятель я... творец.
Беру из старенькой корзины
Ножи, бумагу и резец...

И в след спешу за вдохновеньем
(Рисунки птицы на листах)!
Творю... Вот-вот... Еще мгновенье —
Забьется жизнь в моих руках.

Резцом подправила ей крылья.
Живи! Я верю в чудеса.
Расправь крыла! Одно усилье!
Лети, Журавка, в небеса!

АПРЕЛЬ

Апрель. Седьмое. Вы-ход-ной!
На стеклах луч плетет узоры.
Соседи громко за стеной
Ведут о чем-то разговоры...

Смотрю в окно... Спешит старик,
(Он этажом живет пониже);

Красивый был, видать, мужик!
И, говорят, что жил в Париже.

Поэтом слыл в чужой стране,
В салонах гостем был желанным.
Теперь один... По чьей вине
Жильцом он нынче безымянным?..

А вот дворовый рыжий пес,
В лучах купаясь, греет спину.
Он зиму еле перенес —
Плешивый, старый... Жалко псину!

На ветке клена — воробей.
Шумит малец на всю округу.
Давай, пернатый, не робей!
Зови в гнездо свою подругу!

Весна смеется за стеклом...
Я с радостью ее встречаю.
Согретая живым теплом,
Иду на кухню выпить чаю.

Владимир Грусов
(г. Мончегорск Мурманской области)*

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Частым покаяньям зная цену,
В покаянный час очередной
Не стучите головой о стену,
Грех пугать соседей за стеной.

И себя увечить проку мало:
Суньтесь, предъявляя синяки,
Дескать, совесть гнула и ломала,
Вас же записные остряки

Наизнанку вывернут ретиво,
И всерьез ославят (поделом!).
Ну, а впрямь смущает перспектива
Оказаться искренним ослом,

Чем вздыхать о подлости недавней
Или о напрасной доброте,
Сочините список оправданий
На любом попавшемся листе,

И бумага стерпит, уж поверьте,
Материал выносливый такой.
Вы же в повседневной круговерти
Обретете, если не покой,

То ему надежное подспорье.
Супротив хворающей души
(Не ангиной или, скажем, корью)
Все, пожалуй, средства хороши,

Особливо — здоровое мышление
(Пусть порою верится до слез
В сказочное «щучье повеленье».
Если разум хладен и тверез,

* Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2017 год.

Вера — только следствие расчета,
И любви надежнее стократ.
А на кой, ответствуйте, еще-то
Полыхает школьный маскарад

«От Москвы до самых до окраин»?
«Общим выражением лица»
Гордые, живем и помираем.
Но *«отряд потерю бойца»*

Не смутить. Старается исправно
Тот, кто вместо выбывшего взят.
И психологические травмы
Никому при этом не грозят.

* * *

Плечи печали.
Юркая тень свободы.
Бальные танцы бросивших костыли.
Мы не скучали
Все эти злые годы.
Ну, и вполне естественно, обрели

Тусклые лица,
Толщу бывалой кожи,
Трупные пятна слишком нормальных глаз.
Где уж тут злиться!
Повод всегда ничтожен.
Вот пообвыклись, и не тревожат нас

Сумерки речи,
Пытка колхозной брани,
Липкие междометья согласных рук.
Черная речка?
Кто там сегодня ранен?
Мало ли кто! Постой-ка, возможный друг,

Будем знакомы!
Пасынки ноу-хау,
Ищем для жизни сносной любой мотив.
Ведь по закону
Наш интернат — дахау
Не оставляет радужных перспектив,

Выпускникам.
И где от судьбы спасенье?
Сбавь обороты, взвинченный гражданин!
Что-то пока
И в праздник не до веселья.
Искренне же веселящихся извиним,

Даже смурными
Веруя безоглядно
В высшую справедливость и высший суд.
Вот уповать на иные,
Увы, накладно,
И ничего они толком не принесут

Кроме позора.
Далее лишь осина
(Пальма предательства)... Только вот, ай-люли,
Галстук разорван.
Чем недоволен, псина?
Или совсем не дышится без петли?

Смачная пресса.
Шкварки убойных фактов.
Скисшая правда, найденная с трудом.
Верное средство
(В частности от инфаркта)
Это — свалить куда-нибудь за кордон...

Ваши манатки!
Драпайте на здоровье
(Только черкните тамошний адресок).
Хлористый натрий
Часто мешая с кровью
(Как в заводской столовой томатный сок),

Мы, остальные,
Наглые сверхурочно,
Ваньку валяли, скажет любой эксперт.
Да и поныне
Сами себя морочим,
Изобретая ржавый велосипед.

ОБ УТРАЧЕННОМ

И вот так каждый день: вздохи, реплики, целые речи.
Осуждаем, пугаем, и все-то бормочем мораль.
Головами практичными скорбно качаем при встрече:
— Мог бы стать человеком... Очень жаль, господа, очень жаль.

Констатировав факт, неприятный и, в общем, случайный,
(Ну попался на сотню нормальных один ротозей!),
Торопливо уходим, еще заскочить обещая,
На ходу корректируя список достойных друзей.

Как спокойно и тихо без глупых мальчишеских стычек!
Без случайностей диких, почти неизбежных тогда!

Это вечер вчерашний, наутро дурные привычки
Рассовать по углам не составило вовсе труда.

С каждым годом теперь мир все более необитаем.
И не только вокруг, но и в сердце звенит пустота.
И окликнуть-то некого, друг, мол, айда полетаем!
Ибо напрочь забыто великое слово — мечта.

* * *

Итак, забвением
Лечит время?
А ну, расскажите!
Как интересно!
Будто бы это
Целебное снадобье,
Неотвратимо,
И безотказно
И так далее,
Вперемешку
С убедительными примерами
И конкретными именами
Излечившихся
От последствий
Горькой памяти,
От безумия,
Ежедневно
Несовместимого
С душным кодексом
Уцелевших,
Научившихся
Мыть в ладонях
Злые, мелкие
Крошки хлеба
Ради будущего
И прочая.
Все понятно.
И спорить не о чем.
Лишь истошное
Одиночество,
Издеваясь
Над чистым разумом,
Барабанит
В кармане внутреннем,
Ибо сердце
Не переделаешь,
Да и боль
не имеет возраста;
Сроком давности
Не откупишься...
...а в могилу —
Добро пожаловать.